

УДК 355/359
ББК 63.3
Б 43

Белковский С. А.

Б 43   Бизнес Владимира Путина / Станислав Белковский. – М. : Алгоритм, 2014. – 240 с. – (Политический компромат).

ISBN 978-5-4438-0600-6

Автор этой книги Станислав Белковский – самый популярный российский политолог, учредитель и директор Института национальной стратегии. Произведения С. Белковского отличаются остротой, яркостью, большим количеством фактического материала о деятельности высших кругов российского руководства.

В книге «Бизнес Владимира Путина» автор показывает, каким образом Путин наживал свои капиталы и куда он их направлял. По мнению С. Белковского, главная цель жизни и деятельности Владимира Путина – чисто деловая, а президентство – это просто бизнес.

**УДК 355/359
ББК 63.3**

ISBN 978-5-4438-0600-6

© Белковский С. А., 2014
© ООО «Издательство «Алгоритм», 2014

СПЕЦИАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ ПУТИНА

Гигант либерально-демократической мысли, отец всей и всяческой демократии, особа, приближенная к Всемирному Правительству, короче говоря, сам Збигнев Бжезинский опубликовал в *Wall Street Journal* программную статью «Московский Муссолини». В статье гигант на полном серьезе уподобил Владимира Путина Бенито Муссолини, а маляхольный путинский режим — итальянскому фашистско-корпоративному государству 1920 — 1930-х годов прошлого века.

По мнению т. Бжезинского, российская элита тоскует по великодержавному имперскому статусу России, воспринимает независимость Украины и Грузии как оскорбление, а сопротивление чеченцев (надо понимать, сугубо мирных гуманитарно-либеральных чеченцев, каковые мухи не обидят. — С. Б.) русскому господству — как террористическое преступление. «Дуче добился того, чтобы поезда ходили по расписанию. Фашистский режим пробуждал чувство национального величия, дисциплину и превозносил мифы о якобы великом прошлом. Точно так же и Путин стремится сочетать традиции ЧК со сталинским стилем руководства страной военного времени, с претензиями русского православия на статус Третьего Рима и со славянофильскими мечтами о едином огромном славянском государстве, управляемом из Кремля».

Вот так говорил Бжезинский.

М-да. Я давно подозревал, что этот поваренный в холодных войнах гарвардский специалист ни черта не понимает в России. Но кто бы мог подумать, что настолько не понимает! С такими мощными стариками в роли идеологов-анали-

тиков непросто будет вашингтонскому обкому выстраивать восточную политику XXI века, ох как непросто.

Непонятно, где и при каких трагических обстоятельствах встречал отец всемирной демократии представителей нынешней российской элиты, тоскующих по имперскому статусу России. Как человек, всегда живущий в неподдельно ненавидимой Бжезинским стране, я могу утверждать, что сегодняшняя наша элита тоскует по миллиардам зеленоглазых долларов и сахарным пескам загадочных островов, а разговоры о нации и империи воспринимает как опасную попытку отнять у нее время или — того хуже! — развести на деньги. Ну да ладно, бог с ней, с элитой. В конце концов, рассуждения бодрого старца о православии и Третьем Риме находятся вполне на уровне студента второго курса кулинарного техникума — и только сладострастно бородатый русский либерал, готовый воздвигнуть себе мраморным кумиром любого всамделишного врага России, может относиться к бжезинской теософии всерьез.

Нельзя не отметить нескольких вопиющих цивилизационно-культурных несуразностей «московского Муссолини». В неофашистской стране, начертанной на карте экс-РСФСР тлеющим воображением старого технократа, поезда ходят по расписанию — совсем как при дуче. Уважаемый товарищ Бжезинский! Постарайтесь осмыслить простую вещь: если вы оказались в стране, где что-то ходит по расписанию, то эта страна — точно не Россия. Вас, наверное, просто обманули организаторы вашей пропагандистской поездки. Требуйте неустойки после отстоя пены!

Впрочем, не интеллектуально-научный уровень либерального мегакумира — предмет нашего исследования. А образ Владимира Путина, нынешнего президента России, которого все чаще сравнивают и с Муссолини, и с Франко, и даже с Наполеоном I Бонапартом.

Авторы таких метафор — или безнадёжные простаки, или беззастенчивые льстецы. Третьего, увы, не дано.

Муссолини, Франко, тем паче Наполеон Первый были людьми власти. И беззаветно любили они *самое власть*. Ту

мистическую субстанцию, которая дает ее носителю истинное право вершить судьбы малых сих и потому делает властеносителя подобным Богу. Эта субстанция не хранится в сейфовых ячейках банков первой категории надежности. Ее нельзя измерить на вес и растворить в воде. Запредельно сладостный вкус власти открывается немногим счастливицам. А добывается этот вкус — на баррикадах, в землянках, на раздраженных полях сражений.

Тот же Бенито Муссолини, настойчиво поминаемый Бжезинским в контексте Путина, в 1922 году пришел к власти, возглавив поход 26 тысяч яростных сограждан на Рим.

Можно ли представить себе Владимира Путина во главе многотысячного похода на Первопрестольную?

Вообразим ли Путин, сидящий с подствольным гранатометом в блиндаже перед решающим вооруженным броском в пекло борьбы за власть?

Наконец, смотрится ли Путин даже в умеренно интеллигентной роли лидера парламентской оппозиции?

Очевидный ответ на все три вопроса: нет.

Путин и Муссолини (а также Гитлер, Франко и далее до А. Г. Лукашенко) — всходы разных посевов.

При Бенито Муссолини в Италии было очень много плохого. И мы все это знаем (спасибо не столько Бжезинскому, сколько советскому курсу всемирной истории). Мы знаем, кроме всего прочего, что погубил дуче и его режим альянс с Адольфом Гитлером.

Но было при Муссолини и кое-что не очень плохое.

С 1922 по 1938 год население Италии выросло на 15%.

За время правления Муссолини была практически полностью разгромлена мафия.

В 1929 году был подписан Латеранский конкордат, в результате чего католичество стало государственной религией Италии, а во всех школах страны было введено преподавание основ католицизма.

В 1932 году был учрежден Венецианский международный кинофестиваль. В 1934 и 1938 годах сборная Италии выигрывала чемпионаты мира по футболу.

А вот так говорил Муссолини. Послушайте.

«Человек — это индивид, связанный с нацией, с Отечеством, подчиняющийся моральному закону, связующему индивидов через традицию, историческую миссию, чтобы в сознании долга создать высшую жизнь, свободную от границ времени и пространства. В этой жизни индивид путем самоотрицания, жертвы частными интересами, даже подвигом смерти осуществляет чисто духовное бытие, в чем и заключается его человеческая ценность».

«Нация не есть раса или определенная географическая местность, но делящаяся в истории множество, объединенное одной идеей, каковая есть воля к существованию и господству, то есть самосознание и, как следствие, личность».

«Стремление к империи, то есть к национальному распространению, есть проявление жизни; обратное — «сидение дома» — признак упадка. Народы, возвышающиеся и возрождающиеся, — всегда империалисты; умирающие народы отказываются от всяких претензий».

Ну и при чем здесь, спрашивается, Владимир Путин?..

Если присмотреться, то нельзя не увидеть, что наш президент любит не власть, а атрибуты власти. Дворцы, самолеты, лимузины, яхты, почетные караулы, Charles Lafitte 1815 года издания, хрустящего вальдшнепа в соусе белой калины, слова «Геркуланум» и «Корфу», тени Шредера и Берлускони. И народные восторги, конечно. И вертикальное сияние виртуального рейтинга, на протирание которого ежегодно списываются мегатонны сверхчистого кремлевского спирта.

Но власть как орудие мрачного демиурга, как поле, в котором вспыхивает разряд сияния, для Путина почти невыносима, словно состарившаяся опостылевшая любовница из нищих студенческих лет. Почти каждый, кто смотрит иногда общенациональное русское телевидение, научился видеть, что от бремени власти демократически избранный президент РФ становится буквально серо-зеленым. Как прибрежное море в пахучем районе индустриальной Одессы.

Еще раз попробуем представить себе Владимира Путина, выходящего к пятисоттысячной толпе и бросающего в нее: «Вы готовы умереть за меня и Россию?» А в ответ — колыхание восторга и неистовый рев.

Представили? Не выходит?

То-то же. А вы говорите: Муссолини, Муссолини.

2004 г.

АПОЛОГИЯ ВЛАДИМИРА ПУТИНА

На моего президента Владимира В. Путина обрушился шквал оскорблений и обвинений. В кампании по очернению всенародно избранного поучаствовали почти все ведущие СМИ мира, а сырьем для их грязных пасквилей служили заведомо ложные измышления русских либералов.

Как физическое (в какой-то неисчезающей степени) лицо и гражданин (на 100%) Российской Федерации, я не могу скрыть своего возмущения. Кто-то должен в эту историческую секунду защитить лысоватого одинокого Путина — и если не я, то кто же?

Давайте взглянем в эту фантастическую грязь: в чем патентованный либерал привык обвинять сутулого, поседевшего от властного бремени Хозяина Земли Русской (ХЗР)?

Обвинение первое. Путин — закоренелый чекист, и усугубляет он в России не что иное, как чекистскую диктатуру. Задача же чекистской диктатуры есть восстановление СССР.

Тот, кто утверждает нечто подобное, на мой сокрушенный взгляд, начисто лишен:

- а) доступа к правильной информации;
- б) способности анализировать даже ту полуправильную информацию, которая у него есть.

В действительности же все обстоит немного (точнее — совсем) не так.

В системе КГБ СССР Владимир В. Путин был аутсайдером, если не сказать — классическим неудачником. В 1990 году за плохую вербовочную работу его отозвали из Дрезденского дома культуры и поставили на неприлично низкую должность помощника проректора Ленинградско-

го госуниверситета по международным связям. Система отторгла своего нерадивого воспитанника. Чекистская карьера будущего ХЗР стремительным домкратом шла под откос. Спас же Владимира Владимировича человек, который (что бы там ни говорили злые языки про всякие подписки и расписки) выступал в роли главного врага КГБ, — Анатолий Собчак, самый демократный демократ. Путин как политико-экономическая личность сформировался именно в честной и либеральной, как питерское болото, команде Собчака. Где ему приходилось отвечать, помимо всего прочего, за деликатные контакты с организованными финансово-торговыми группировками, контролировавшими в то расцветное время почти всю экономику Петербурга. Оттуда, из собачьей толщи «криминальной столицы», — все основополагающие воззрения и представления Путина о предмете, имя которому — власть. А власть, сообразно этим представлениям, бывает только у того, у кого есть две самоценные вещи: а) деньги; б) автомат имени Калашникова.

Привычное рассуждение о том, что при Путине бывшие сотрудники Системы проникли на тысячи тысяч властных и окол властных позиций, есть результат недобросовестной интерпретации простых статистических данных.

Да, абсолютное число экс-комитетчиков на чиновных позициях день ото дня растет. Но эта страшная для либерального ума тенденция сложилась вовсе не в первом десятилетии XXI века, а значительно раньше — в благословенные времена Бориса Ельцина. Еще в начале 1990-х годов, когда казавшийся вечным КГБ СССР нечаянно развалился, многие чекисты оказались востребованы вне Системы, поскольку представляли собою квалифицированную, умеющую хранить секреты и сравнительно недорогую (потому что не избалованную шальным баблом) рабочую силу. По мере деградации постсоветских органов ГБ оставшиеся в живых специалисты постепенно покидали Лубянку — и оказывались на гражданских должностях, причем не только в государственных, но и в самых что ни на есть коммерческих структурах.

Но при этом на ключевых постах, счастливые обладатели которых причастны к стратегическим решениям, чекистов как не было, так и нет.

Но главное, конечно, не в формальных особенностях происхождения новейших русских вождей. Суть — в идеологии. Классический чекист всегда мечтал о великой Империи от южных гор до северных морей и гордился тем, что именно он оберегает это невиданное в истории Нечто (правда, события августа 1991 года показали, что не так уж страшен был КГБ, как он сам про себя думал, но речь сейчас не об этом). А современный кремлевский чиновник думает только о том, сколько накапало на его персональных пенсионных счетах всемирного значения в банках первой категории сложности. Ну еще, конечно, — о яхтах, «мерседесах», разновидностях горных лыж и о том, стоит ли купить 16-летней любовнице домик в Барвихе, чтоб далеко не ездить, или пока что рановато. Нет, совсем не кагэбэшное мышление получается.

Правящий клан рассуждает так, как рассуждал какой-нибудь маститый вор, державший в трепете сумбурный Питер 15—10 лет назад. А именно:

— страна нужна и полезна нам как источник доходов, и только для этого (для проедания и завещания доходов существуют другие страны, белые и нежные, как пятизвездное пляжное полотенце);

— все центры прибыли надо брать под контроль;

— прибыль надо как можно быстрее выводить отсюда подальше, пока ее кто-нибудь не нашел и не откусил;

— все центры убытков надо ликвидировать — или загружать ими лохов;

— более слабых надо уничтожать, с более сильными — дружить, чтобы тебя не съели.

Вот отсюда — и «дело ЮКОСа», и монетизация льгот, и реформа ЖКХ, и миролюбивая внешняя политика. Отсюда — и свержающее поведение на Украине, где Кремль добивался вовсе не восстановления СССР, а уважения к собственным натужно растопыренным пальцам.

Так что, если вдруг в полночь на Красной площади вы услышали неведомый и тяжелый деревянный скрип, знайте: это столп советского гэбизма Юрий Владимирович Андропов ворочается в своем черством номенклатурном гробу.

Обвинение второе. Путин — антилиберал, враг ценностей 1990-х годов.

Пусть вырвут лгуну его гнусный язык.

Нынешний ХЗР — самый настоящий либерал в неподдельно гайдаровском понимании этого слова.

При Путине приватизация зашла так далеко, как в начале девяностых никакой Чубайс и предположить не мог. Продано все (тут положено сказать: кроме совести, но язык не поворачивается; совесть ведь тоже была в программе разгосударствления-расчеловечивания экономики). И не только природные богатства стали частными. Вот-вот все научно-исследовательские институты, театры и музеи представлены обычными объектами недвижимости, пригодными для размещения бизнес-центров категории Б. И любой либеральный экономист (тот самый, который привык рассуждать про тоталитаризм по-путински), конечно, скажет: так и надо поступать, на кой этой безграмотной стране столько ученых, актеров и режиссеров, несерьезно это все как-то, и кто не может прокормить себя по-рыночному, с цыганами и черной икрой, — тот пусть отправляется во влажную и темную задницу новейшей истории.

«Дело ЮКОСа»? Полноте, никакой национализацией там и не пахнет. Просто одни пацаны отобрали у других, воспользовавшихся рыночной неадекватностью последних. «Роснефть» же — просто перевалочная база, сортировочная станция, которая и не потребовалась бы, если б не всемирный вопль про неприличное ничтожество тверской конторы «Байкалфинансгроб». Ведь мудрый Греф изрек: и «Роснефть» будем приватизировать, и «Газпром». И кому отдадим, тоже боль-мень известно. А что, разве в ревущие девяностые было не так? И «Сиданко» отбирали, и алюминиевые заводы, а про всякие там страховые компании и банки

уж и говорить не приходится. Так что YUKOS affair — логичное продолжение наших девяностых с их неизбывным диким либерализмом, где, как завещал великий Егор Тимурович Г., кто сильнее — тот и прав. И никаких гвоздей.

Говорят еще, Путин пограл свободу слова. Которая совсем недавно цвела пышным лунно-пионовым цветом.

Мы с Путиным так не считаем.

С 1994 по 2001 год за свободу слова в РФ отвечали Березовский и Гусинский. Они объяснили стране, что «собственность» и «свобода» — синонимы. У кого собственность на СМИ — тот и имеет право на точку зрения. И никакое слово за пределами интересов собственника не существует, не живет, не дышит и уж точно никого не волнует.

Именно это утверждает сегодня и Владимир Владимирович. Нет никакой свободы слова как самостоятельной сущности, говорит он. А есть медиа-брехня как способ обслуживания частных интересов. Поэтому если сегодня я работаю Березовским и Гусинским (одновременно), то я и определяю, где, когда, кому и зачем говорить. Придут за нами другие — будут определять они.

Да, Путин кое-где у нас порой довел линию 1990-х годов до абсурда. Но именно эту самую линию — никакой другой он вязкими пальцами на русском песке не чертил.

А пресловутая монетизация льгот? Не мечту ли Гайдара воплотил заскорузлый наш ХЗР?

Ее, ее, болезнью.

И не случайно русский либерал, столь раздраженный всем путинским, во дни народных выступлений против монетизации возопил: сплотимся вокруг тела Кудрина — Грефа (мертвенно-бледное слово «Путин» произносить боялись, чтобы на Западе не подставиться), а быдло — в стойло!

Ибо имеющий компетентные органы чувств да чувствует компетентно: Путин и Гайдар (оно же — Чубайс) — суть одно. И замена фирменного рыжего причмокивания на феррохромный голливудский взгляд нимало не искажает хрустальную в первозданности своей суть дела.

Обвинение третье. Путин — враг Запада, тоскливо-сумрачный апологет азиатчины, и за граница ему вот-вот покажет, где зимуют омары (они же, кажется, лобстеры).

Долго рассуждать тут нечего. Пора признаться: Путин вполне устраивает Запад вообще и Соединенные Штаты в особенности.

Да, на словах ХЗР позволяет иногда просто бешеные антизападные вольности. Например, про то, что всеобщие, как солнечный свет, выборы в Афганистане и Ираке — фуфло несусветное, а никакое не торжество демократии. (И в эти минуты с президентом РФ хочется истово согласиться.)

И еще любит наш Верховный Главнокомандующий, заводя литаврами машинерию скул, говорить что-то про возрождение армии и новейшее сверхоружие, которым страна с ее миллионом голодных, оборванных, изверившихся вояк будет грозить всему нецивилизованному миру. Слышали мы и про то, что нельзя быть слабыми, потому что слабые бьют и мн. др.

Но в священных чертогах вашингтонских Белых Домов сидят не такие простецы, как наши русские либералы с патриотами. Там заседают люди, умеющие отличать пустопорожнюю PR-риторику от подлинной сути дела. А суть дела такова: все, что в реальной действительности творит Путин во внутренней и внешней политике, очень даже отвечает интересам США.

Именно Путин взял твердый курс на превращение России в провинциальное государство-нацию, похоронив имперские экспансионистские устремления (империалистом может считать ХЗРа лишь тот, кто никогда не интересовался истинным смыслом слова «империя»).

Это Путин сделал так, что источником легитимности для постсоветских режимов стал Вашингтон. Даже при Ельцине таким источником была Москва: ни один лидер в бывшем СССР не мог чувствовать себя в безопасности, если он — подобно Звиаду Гамсахурдиа или Абульфазу Эльчибею — нарочито поворачивался к Кремлю неширокой потной спиной. Сейчас позиция Кремля уже никого, по боль-

шому счету, не интересуется. Даже базарных коммунистов бедной Молдавии.

Ввязавшись в дружескую войнушку с каким-то там мировым терроризмом (который терроризирует почему-то тогда и только тогда, когда это нужно Вашингтону, а в паузах живет строго по заветам неуловимого ковбоя Джо), Путин разрешил американцам устроить военные базы прямо в СНГ. И ничего не попросил взамен. Ну не душка, а?

В СНГ Путин вообще усиленно действовал по принципу «бей своих» (чтоб чужие не боялись — теперь поговорка звучит и выглядит так). Грубее и жестче всего он обошелся с белорусским лидером Александром Лукашенко, который в девственной мечтательной простоте хотел сделать Беларусь «младшей Россией». И конечно, гуманитарно-животворящий Запад аплодировал тому, как Москва топчет своего главного постсоветского союзника.

В 2001 году Путин, не поморщившись, закрыл военную базу в Камрани и радиоэлектронный центр в Лурдесе, обесмыслив существование постсоветского военно-морского флота. У страны, где более 50 человек зарабатывают порядка 1 млрд. долларов в год, не нашлось 150 млн. долларов в год для поддержания своих стратегических объектов.

В 2002 году ХЗР подписал судьбоносный договор о сокращении стратегических наступательных потенциалов (СНП). Россия отказалась от межконтинентальных баллистических ракет шахтного базирования (которые, в отличие от рублево-успенских унитазов из чистого золота, нашей стране, разумеется, на фиг не нужны). А в Братиславе признал, что американцы, как люди аккуратные и внимательные, должны быть допущены к контролю над нашим ядерным потенциалом — дабы вечно пьяный ракетчик Пахомыч его за ящик иранской водки кому-нибудь не впарил.

Но более всего Путин преуспел в демонстрации своего русского бескорыстия. С фантастической скоростью нынешняя Россия отдаёт свои долги и списывает чужие.

На 93% одним махом Путин согласился уменьшить долг Ирака — с 10,5 млрд. до 0,9 млрд. долларов. Страна наша,

у которой уже почти нет армии, где разлагаются на корню фундаментальная наука и система образования, настолько не знает, куда девать деньги, что приняла программу досрочного погашения внешнего долга за счет средств неприкосновенного стабфонда. Зачем, понятно: ведь через несколько лет теперешние распорядители стабфонда поселятся в Баден-Бадене (варианты: Сен-Тропез, Сотогранде, Коста-Смеральда), и они хотят честно и прямо смотреть в глаза западным кредиторам: отдали, все отдали, ничего этой мерзопакостной России не оставили.

И даже аналогия со сверхуспешным долгоотдавателем Чаушеску никого из них не смущает.

Владимир Путин возглавляет когорту начальников, которые связывают свое личное и семейное будущее с уютным, как придорожное кафе, марципановым Западом, и только с ним. Уже поэтому ХЗР действует и будет действовать строго в русле пожеланий Сверхдержавы. И в силу этого он Сверхдержаве понятен, удобен и выгоден.

И если в России случится какая-нибудь заваруха и трон Великого Монетизатора покачнется, то Мировой Гегемон как пить дать придет Путину на помощь. Пусть те, кто за чем-то по глупости ненавидит Путина, не ждут от Запада внушительной помощи.

Собственно, когда Д. У. Буш говорил в Братиславе, что у Путина «да» всегда означает «да», а «нет» — «нет», он имел в виду примерно следующее: ХЗР всегда стратегически со всем согласен, и у русского правителя, как у соблазненной женщины, «нет» — это «не нет», а «да, но позже». Мы, конечно, пошантажируем Америку Ираном, но потом — через годик-полтора — Иран этот сдадим и снова упадем в шелковые звездно-полосатые объятия. Мы всегда так делаем. И за эту полную до примитивности предсказуемость нас и ценят.

Да разве можно не любить такого президента? Либерала, рыночника, реформатора, западника?!

А что он некоторых профессиональных либералов оттолкнул от кремлевской кормушки — так то его право. В конце концов, еще в те самые 1990-е годы олигарх Абра-

мович разъяснил обалдевшей от такой искренности мировой общественности смысл проекта «Ельцинский преемник»: *«Мы вовремя подсутились и взяли под контроль эту страну, и что — мы теперь должны ее кому-то просто так подарить?!»*

Надо, кстати, отдать В. В. должное: все интересы ельцинского семейства он соблюдает неукоснительно. Футбольно-металлическое состояние Абрамовича выросло ровно в 5 раз (с 2 млрд. до 10 млрд. долларов). А про какого-нибудь Ходорковского — так никто ничего никому и не гарантировал.

Путину сейчас очень трудно, потому что власть для него становится все косматей и все тяжелей. И се, в меру скромных сил и способностей, я попытался защитить моего президента от несправедливой неумеренной критики. Кто может — пусть защитит лучше.

2004 г.